

Такие же, как мы

Пен Фартинг

ПЕС, КОТОРЫЙ
ИЗМЕНИЛ МОЙ ВЗГЛЯД
НА МИР

Серия «ТАКИЕ ЖЕ, КАК МЫ»

В серию входят только правдивые рассказы о собаках, кошках и других животных.

Книги этой серии о собаках — это невымышленные истории о людях и их собаках, которые коренным образом изменили судьбы своих хозяев к лучшему. Это истории о приключениях и работе, о шалостях и героизме, о доброте и благородстве и конечно же о дружбе. О дружбе людей и собак.

О дружбе, во многом благодаря которой мы смогли выжить в жестокой борьбе за существование в первобытном мире. Помогая друг другу выжить, мы вместе прорвались сквозь толщу тысячелетий и лучше узнали друг друга.

В наш удаляющийся от природы технотронный век виртуальной реальности и стрессов они по-прежнему помогают нам. А мы им. Потому что они такие же, как мы.

Читая эти книги, вы будете улыбаться и удивляться, смеяться и, возможно, плакать, опять улыбаться и восхищаться, вы будете сопереживать и ни в коем случае не останетесь равнодушными. Не останутся равнодушными также ваши дети и внуки, за которыми будущее. Будущее, в котором им будут помогать жить и оставаться людьми такие же, как мы.

Такие же, как мы

Пен Фартинг

ПЕС, КОТОРЫЙ
ИЗМЕНИЛ МОЙ
ВЗГЛЯД НА МИР

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ф25

Pen Farthing
ONE DOG AT A TIME
Печатается с разрешения литературных агентств
Aitken Alexander Associates Ltd and The Van Lear Agency LLC

Перевод *Баулиной Натальи*

Все права защищены.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или
использована в какой-либо форме, включая электронную,
фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы
хранения и воспроизведения информации, без предварительного
письменного разрешения правообладателя.

Фартинг, Пен.
Ф25 Пёс, который изменил мой взгляд на мир. Приключения
и счастливая судьба пса Наузада / П. Фартинг, пер. с англ.
Н. Баулиной. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 320 с.: ил. –
(Такие же, как мы).

ISBN 978-5-17-092800-2 (Такие же, как мы)
ISBN 9780091928803 (англ.)

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

16+
Научно-популярное издание

Фартинг Пен
Пёс, который изменил мой взгляд на мир
Приключения и счастливая судьба пса Наузада

Корректор *М. Сиротникова*
Технический редактор *Т. Тимошина*
Компьютерная верстка *А. Кирилин*
Компьютерный дизайн обложки *И. Ковригин*
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 – литература научная и производственная

Подписано в печать 06.09.2016.
Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 16,8
Тираж 2000 экз. Заказ №

ООО «Издательство АСТ»
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
www.ast.ru E-mail: kladez@ast.ru

ISBN 978-5-17-092800-2 (Такие же, как мы)
ISBN 9780091928803 (англ.)

© Pen Farthing, 2009
© ООО «Издательство АСТ», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	6
1. Выбор сделан.....	11
2. Спецоперация	23
3. Местные собаки	45
4. Собачий смотритель	62
5. Реактивная граната	81
6. На кухне.....	112
7. Джена	120
8. Чокнутый афганец.....	138
9. Баракзай	152
10. На старт.....	159
11. Отпуск.....	165
12. Дома трава зеленее.....	173
13. Пуля.....	182
14. Сани Санта-Клауса.....	188
15. Все, хватит.....	203
16. Смеющийся полицейский.....	213
17. В тесноте, да не в обиде	222
18. С новым счастьем	231
19. Патрульные собаки	239
20. Под землей	246
21. Приглашение на ужин	251
22. Леванай	261
23. Такси	272
24. Конец и начало	286
25. Домой.....	298
Благодарности	316
Фонд «Собаки Наузада»	318
От редакции.....	319

ПРОЛОГ

— Сержант, я подумал, может, вы что-то с этим сделаете? — Мейс, молоденький морской пехотинец, который незадолго до того связался со мной по рации и позвал на караульный пост, обложенный мешками с песком, ткнул рукой вперед, указывая на дорожное заграждение с колючей проволокой. Оно находилось примерно в сотне ярдов к северу от нашей базы, развернутой в афганском городке Наузаде.

Баррикада, густо обмотанная блестящей новенькой колючкой, была установлена, чтобы помешать подрывнику-смертнику врезаться на машине в толстые глинобитные стены, окружавшие базу. Но сейчас она преградила путь кому-то другому: маленькому белому, насмерть перепуганному псу.

Я сразу заметил проволочную петлю у него на шее. Мне и раньше доводилось видеть в Афганистане собак, которых привязывали таким образом. Этому бедолаге, судя по всему, удалось вырваться на свободу, но когда он попытался миновать наше заграждение, волочившийся следом кусок проволоки запутался в колючем ограждении. Чем сильнее пес вырывался, тем туже затягивалась петля. Еще немного — и ему настал бы конец.

— Вот черт, — пробормотал я.

Сотня ярдов, разделявшая нас с собакой, считалась запретной зоной. И тут уж точно было не место для игры в армию спасения. Заграждение было установлено на

единственной «настоящей» дороге в этой части провинции Гильменд — асфальтированная однополоска тянулась с севера на юг примерно метров четыреста. Когда-то по ее обочине стояли лавки, торговавшие фруктами, овощами, часами, обувью, лекарствами и даже кассетами с музыкой. Все это добро щедро вываливалось на прилавки, в надежде прельстить тех, кто будет проезжать мимо.

Но сейчас там не было ни души, фасады магазинчиков, все в дырах от пуль, вострились покореженными металлическими щитами и обломками досок. Не место для прогулок, определенно, даже если в руках у тебя будет самый большой на свете белый флаг. Слишком велики шансы словить шальную пулю или нарваться на засаду местных боевиков Талибана, которые давно облюбовали проулки, ведущие прочь от дороги. Один из этих проулков мы даже называли Гранатовым — в честь «подарков», которые отсюда чаще всего прилетали.

И сейчас я обозревал окрестности, прекрасно понимая, что в любом из окрестных зданий могут скрываться талибы, которые только и ждут, когда кто-то из наших покинет лагерь.

Я закрыл глаза и спросил себя: ну почему такое должно было случиться именно со мной.

При этом я четко осознавал, что проще всего будет приказать Мейсу продолжать нести караул, как ни в чем не бывало, и забыть про собаку. Многие на моем месте так бы и поступили, не задумываясь. Пусть подыхает от голода или удушит себя провололочной петлей. Черт возьми, да этого пса могли и в качестве мишени использовать.

Но я знал, что не смогу отвернуться и уйти. Особенно с учетом всего, что нам довелось пережить за последние четыре месяца в Гильменде.

Я открыл глаза и снова посмотрел на белого пса. Он больше не вырывался и теперь лежал на земле, тяжело дыша.

Я изложил Мейсу свой план, хотя планом это можно было назвать лишь с натяжкой. Потом снял рацию и лишнее снаряжение, поставил все это на землю, рядом с мешками, а в карман штанов на всякий случай засунул лишнюю обойму.

Задумка была проста. В передней части блокпоста имелась узкая щель, через которую часовой смотрел наружу, и там вполне можно было протиснуться боком, хоть и не без труда. Я собирался выбраться через эту щель, спуститься к краю крыши, на которой был установлен пост, прыгнуть оттуда на песочное укрепление вдоль стены, четырьмя футами ниже и наконец рвануть к дороге.

Я помахал рукой дозорному на соседнем посту. Он помахал мне в ответ.

Сперва я выставил из щели дуло автомата, затем пролез сам. Мейс осматривал улицу: не покажутся ли из засады плохие парни. Я не слишком хорошо представлял, что буду делать, если талибы решат напасть. Мне ясно было только одно: обратно на пост придется залезть очень, очень быстро. В надежде, что я окажусь быстрее, чем тот, кто станет в меня стрелять.

Я еще раз осмотрелся по сторонам, но все было тихо. Даже жутковато стало.

— До встречи, — сказал я Мейсу и прыгнул на землю.

В своей жизни мне доводилось совершать немало глупых поступков. Приземлившись на асфальтовое покрытие, я подумал, что, возможно, ничего глупее я еще не делал.

Сердце билось учащенно. Я сделал глубокий вдох. «Постарайся сделать так, чтобы тебя не подстрелили, придурок, иначе ты уже никому не поможешь, и этой собаке тоже», — строго сказал я сам себе.

Все мое внимание сейчас было сосредоточено на разгромленных лавчонках вдоль дороги. Тысячи теней таились в каждом из этих полуразрушенных строений, а зна-

чит, в каждом были тысячи укрытий, где мог прятаться враг. Но пока что все было тихо.

«Да, пока что», — пробормотал я себе под нос.

Время утекало сквозь пальцы. В последний раз я посмотрел на мир через прицел, а потом двинулся к собаке, поводя дулом во все стороны и зорко глядя то вправо, то влево. Пригнувшись, я выбежал на середину дороги, до собаки оставалось каких-то ярдов семьдесят. До сих пор казалось, что он смирился со своей судьбой, однако стоило мне подойти ближе, и он снова начал вырываться из проволочных тисков. Похоже, он боялся, что я могу причинить ему боль.

— Тихо, песик, я свой, — окликнул я, подходя ближе.

Я понимал, что мой голос звучит слишком громко, но собака сражалась с колючкой и производила достаточно шума. Металлическая проволока лязгала и клацала по железным стойкам, так что в радиусе доброй мили любой мог понять, что я затеял.

— Давай, дружок, я не хочу, чтобы талибы меня засекли, хорошо?

Времени на то, чтобы подбираться к нему медленно и осторожно, у меня не было.

Повесив автомат на плечо, я так глубоко, как только мог, просунул руку с кусачками в свившуюся кольцами колючку. Я не боялся, что пес может попытаться меня укусить: на мне была куртка и боевые кожаные перчатки. Да и не такой уж он был крупный. Тощий, явно страдавший от недоедания, со свалывшейся белой шерстью... Он испуганно смотрел на меня все время, пока я резал проволоку.

Стоило мне освободить его, и пес рванул прочь, перепрыгнув через препятствие. На шее у него по-прежнему болталась проволочная петля, но я понадеялся, что рано или поздно она ослабнет и свалится.

— Удачи, приятель, — пожелал я псу, проводив его взглядом.

Оглядевшись по сторонам, я внезапно сообразил, насколько это небезопасно. Торчать посреди пустынной улицы в самом что ни на есть талибском районе Афганистана едва ли было благоразумно.

Я развернулся и быстро направился обратно к караульному посту, то и дело озираясь.

— Bravo, сержант, — поприветствовал меня Мейс, когда я забрался обратно внутрь.

Я никак не мог отдышаться: последний рывок потребовал слишком много усилий, и пришлось карабкаться на стену. Но все равно, обернувшись на дорогу, я не смог сдержать улыбку. Пса нигде не было видно.

— Только пусть это останется между нами, ага? — заметил я, отряхиваясь.

— О чем разговор, — ухмыльнулся Мейс.

Я хлопнул его по плечу, собрал свою амуницию и по приставной лестнице выбрался с поста тем путем, как и полагалось. Только сейчас до меня начало в полной мере доходить, что я натворил.

Похоже, ситуация полностью вышла из-под контроля. Но как и почему я внезапно оказался тем человеком, который в ответе за судьбу всех бродячих собак в Гильменде?

1

Выбор сделан Полгода назад

Я потянулся вверх, пытаюсь подтянуться, но узкая шершавая «полка», за которую удалось зацепиться, не показалась мне достаточно надежной. Да и будь она чуть крепче, я сомневался, что сумею удержать вес тела на кончиках пальцев одной только левой руки.

Я посмотрел вниз на тонкий стальной трос, который закрепил на скале двумя футами ниже, — это была моя страховка на случай падения. Трос шел к алюминиевому крюку, вбитому в полудюймовую* расщелину, и к нему крепилась веревка, надежно пристегнутая к моей страховочной обвязке. Вся эта система не выглядела достаточно прочной, чтобы удержать от падения крепкого десантника. Но я не сомневался, что этого окажется достаточно.

Раздумывая над следующим своим движением, я понял, что стоит мне сдвинуться в сторону от удобных опор, на которых я балансировал до сих пор, — возврата назад не

* Автор преимущественно использует британские единицы измерения. Дюйм — 2,54 см; фут — 30,48 см; миля (сухопутная) — примерно 1,6 км; фунт — примерно 454 г.

будет. Стоит сместить левую руку, и придется карабкаться вверх без остановки, пока я не достигну края скальной стены. Так что — все или ничего.

Я уже готовился к броску, как вдруг снизу донесся знакомый голос:

— Ну, что ты там застрял, ниндзя-альпинист? Через пару часов стемнеет.

Я осторожно опустил голову, пройдясь взглядом вдоль истончающейся страховочной веревке, змеившейся по камням, и увидел на том конце Лизу. Она смотрела на меня и улыбалась с подбадривающим видом, удерживая в руках стопор, призванный затормозить мое падение, если я все-таки сорвусь со скалы.

Есть одна проблема, когда твоя жена служит на флоте, подумалось мне. У них такое же чувство юмора, что и у десантников. Как и мы, они свято верят, что лучший способ помочь человеку сделать что-то трудно исполнимое — это пнуть его покрепче.

— Лиза... я тут пытаюсь решить, как правильнее подняться. Ты не против?

— Что может быть проще? Подтянись левой рукой — и вперед, — откликнулась она таким небрежным тоном, как будто в мире не было ничего легче. И тут Бимер, наш совершенно безмозглый спаниель, принялся на меня лаять. Это был его традиционный способ потребовать: «Иди скорее сюда, я вокруг тебя побегаю!»

К нему присоединилась Физз, наш ротвейлер, которая, как и Бимер, была привязана к стволу здорового дуба, и вскоре окрестности огласил их хоровой лай.

— Ладно, — смирился я, — сейчас поползу. Только замолчите. — Закрыв глаза и вдохнув поглубже, я вновь повернулся к скале лицом, едва не утыкаясь носом в иззубренную гранитную стену.

Ни о чем особо не задумываясь, я устремился вверх. Левая рука ухватилась за опору, ногами я уперся в холодные

камни и подтолкнул себя еще выше. К счастью, там обнаружилась новая зацепка, потом еще одна — и вот уже я перевалил за край скалы. Откатившись подальше от края, я подергал за страховку и дал знак, что подъем окончен, а потом поднялся посмотреть, как там Лиза, Бимер и Физз.

Лиза взирала на меня снизу вверх с хорошо знакомым выражением на лице, которое словно говорило: «Вот видишь, а ты боялся. Хотя мог туда забраться еще полчаса назад!» Собаки радостно скакали вокруг нее. Они знали, что ожиданию у дерева наконец пришел конец и скоро мы двинемся в путь.

Что может быть лучше отпуска летом?

Последние четыре месяца я не делал ничего другого, кроме как ел, спал, дышал и готовился к полугодовой командировке в Афганистан, где нам предстояло воевать с талибами. Мне и еще двум десяткам молодых парней из 5-го отряда команды «Кило» 42-го батальона королевской морской пехоты, вместе с которыми мы проводили все эти месяцы в сплошных тренировках, почти без перерывов на личную жизнь. Бесконечные часы мы находились на залитых дождем стрельбищах на северо-востоке Великобритании. После этого были долгие марш-броски по холмистой местности в Тетфорде. Мы отрабатывали всевозможные сценарии, основанные на прошлом опыте боев в Афганистане, чтобы суметь справиться с любой критической ситуацией.

Временами было тяжело, парням приходилось многому учиться с нуля, но понемногу все втянулись. Я с гордостью смотрел, как вчерашние новобранцы превращаются в закаленных десантников.

После такой усиленной подготовки я должен был бы радоваться, когда Афганистан наконец замаячил на горизонте. В конце концов, ведь именно об этом я мечтал еще мальчишкой, в своем родном городке на юго-восточном побережье Англии, где мы с приятелями ничем другим не

занимались, кроме игры в солдатиков. Мы устраивали засады в лесу за домом моей бабушки, скидывали на вражеские позиции игрушечные бомбы и грезили о том, когда наконец-то окажемся в настоящем вертолете и отправимся воевать против плохих парней. Теперь мечта, наконец, обрела плоть.

Но, получая каждодневные отчеты от армейских подразделений, на смену которым нас должны были отправить, я все чаще терзался сомнениями. А что, если мы подготовились недостаточно хорошо? Вдруг я забуду, что надо делать?

Впрочем, с первых же дней отпуска я постарался сосредоточиться на том, чтобы выбросить все военные мысли из головы — по крайней мере, на эти три недели. Собаки здорово помогали, переключая внимание на себя. Физз и Бимер были идеальными спутниками для долгих прогулок по Дармуру, и я был очень этому рад, поскольку больше всего любил гулять и карабкаться по скалам.

Физз была типичным ротвейлером, ярко черного-подпалого окраса, с закрученным хвостом. Сейчас ей было уже шесть лет, мы взяли ее щенком от манчестерского заводчика. Из девяти пушистиков Лиза выбрала самого бойкого, шустрого и любопытного. Для Лизы это была любовь с первого взгляда, и Физз до сих пор остается ее собакой.

За эти годы мы огребли свою долю оскорблений от случайных прохожих, неспособных отличить таксу от сенбернара, но при этом свято убежденных в том, что все ротвейлеры суть порождения дьявола. Однако я был твердо уверен и тогда и сейчас стою на том, что воспитание превыше всего. Если не считать тех случаев, когда она давала

волю своим охотничьим инстинктам, гоняясь за котами или белками, Физз была самым добрым и нежным ротвейлером на свете. Конечно, если кто-то проявлял агрессию по отношению к ней, она могла рыкнуть, но тут уж, надо признать, она была в своем праве. Если кто-то ударит меня — я ударю в ответ. Тем не менее нечего и говорить, что я никогда не оставил бы Физз с посторонними людьми, и мы всегда водили ее на поводке.

Бимер, наш черно-белый спрингер-спаниель, был просто гиперактивным, настолько гиперактивным, что, скажем прямо, это порой раздражало. Но винить его в этом ни у кого бы не повернулся язык. Он страстно обожал все грязное и мокрое. Например, для него не было большего удовольствия, чем искупаться в самом вонючем пруду, где поят скот, погрузившись поглубже, так, чтобы только глаза виднелись над поверхностью. Само собой разумеется, чаще всего он вытворял это, когда мы отправлялись на длительную прогулку, забыв положить в машину тряпку или полотенце, после чего нам предстоял долгий и мучительный путь домой. Его мы взяли из приюта для брошенных животных в Сомерсете. После того как мы купили Физз, мы решили, что следующим нашим псом непременно должен стать бездомный, ведь так много таких, кому нужны хорошие хозяева. И я знал, что мы приняли верное решение с того самого дня, как забрали Бимера из приюта. Он ни на миг после этого не переставал вилять хвостом. И единственное, о чем я сожалел, вспоминая тот далекий день, это о бесконечных рядах клеток, где лаяли и виляли хвостами другие собаки, которым тоже хотелось, чтобы кто-то подарил им дом и любовь. Если бы мы могли, мы

